

Гастроли Липецкого драматического театра имени Л. Н. Толстого

ПРОБУЖДЕНИЕ

ТЕМУ своей повести для театра «А поутру они проснулись...» сам Василий Макарович Шукшин называл страшноватой. Мы узнаем об этом со слов Михаила Ульянова: в конце спектакля звучит его голос, записанный на магнитофонную ленту. Ульянов вспоминает разговор с Шукшиным, его слова о том, что он никак не может найти финала пьесы. Шукшин так и не успел ее завершить...

После спектакля липчан, осуществленного режиссером И. Рахельгаузом, становится ясно, что финала, то есть какой-то определенной завершающей точки, в этой вещи быть просто не могло. Очевидно, это чувствовал и сам Шукшин. И чуть художника подсказало ему единственно возможное в данной ситуации решение — открытый финал.

Вещь идет о пьянстве, воплощенном на сцене в образах нюансов медытрезвителя. То есть перед зрителем — палатника этого печально известного заведения, в которой на койках волежат виноватые потерпевшие, «И горько, и омишно» — так кратко можно определить ситуацию. Горько и смешно видеть этих людей, мучающихся о похмелье, занимающих очередь к чайнику ф-водой, который принесла с собой сердобольная убожница тетя Нюра (арт. В. Репяна).

Но как они здесь оказались? Такой вопрос задает Социолог (арт. Ю. Репин). Простой вопрос оказывается вовсе не простым. Конечно, каждый из них может рассказать историю о том, что с ним было накануне. Они и рассказывают, и за этими

житейскими историями открывается срез жизни на разных ее уровнях. Вопрос, который задает Социолог, это фактически вопрос о причинах пьянства. «А если их нет, причин», — говорит один из отвечающих — Нервный (засл. арт. РСФСР А. Магдалинин).

Но причины все-таки есть. До них и пытаются докопаться Шукшин, а вместе с ним и театр. Может быть, это оскорбительное достоинство, замена человека, которому верил, может обидеть на злые шутки соседа, может быть, это непосильная доля исповедника, которую несет с некоторым даже самолюбованием Сантехник (засл. арт. РСФСР В. Пономарев), может — страх. В этих рассказах облекается то темное, неприглядное в нашей жизни, от чего мы все стремимся избавиться. И, конечно же, названные причины не могут служить оправданием человеку, который не смог найти в себе сил остаться человеком. Недаром есть в спектакле герой, который и не имеет никаких оправданий себе — это Мрачный (арт. П. Тямучев), пьющий вообще без каких-либо видимых причин, просто и восхитительно выпивает «два пузыря» и идет

за третьим, так и попадая в вытрезвитель.

Крятик Л. Аннинский, размышляя о Шукшине-актере, писал: «Неповторимо шукшинское; он знает, что герой не прав, и он жалеет его именно в неправоте, в черном страдании. Бельскими-то нас всякий полюбит... Вот это чувство сострадания постоянно присутствует в спектакле. И это же чувство направляет артистов к поиску в душах своих героев той заветной струны, которая помогла бы им распрямиться, спасти самих себя от распада».

Несмотря на то, что ситуация, взятая Шукшиным, больше подходит для публицистики или для прозы, спектакль получился очень театральным. Слово, жест, пластика актеров — все это настолько точно рассчитано, что их игра пронзает впечатление соняющего, творящегося на наших глазах действия, живой импровизации. Каждый из них, помимо типажности, несет главное, ради чего написана повесть-пьеса и поставлен спектакль, — осознание необходимости пробуждения. Пробуждения лучшего в человеке, его скрытых до поры сил, способных подвигнуть его на само совершенствование, на поиск

истины, на искоренение в себе рабских чувств. И это пробуждение, а вернее пока еще предпробуждение, наступает к финалу спектакля, когда все они, кто сейчас еще только кривляясь, мрачно молчал или передергивался с похмелья, с неприличным для них вниманием слушают рассказ Молчаливого (арт. Ю. Шапиро), который со страстью и отчаянием говорит о наболевшем.

Да, в самом деле может произойти катастрофа, если человек забудет о своем истинном предназначении, если он будет кланяться хаму или хотя бы равнодушно смотреть, произойти катастрофа, если мы будем спускать друг другу «медяки» недостатки, которые имеют способность, являясь и наливая, расти, словно снежный ком. Нужно яркое солнце, чтобы этот ком растаял. Таким солнцем является искусство, призванное исправлять пороки и совершенствовать нравы.

Так вот что может уберечь человека от падения, говоря высоким слогом, — активная жизненная позиция, вера в идеал, поиск идеала. Вот почему здесь оказывается нелюдимый Молчаливый. Да, да, именно осознание себя личностью, человеком, за которым

стоит богатство исторического опыта и культуры, поможет этим людям выйти из нравственного тупика, из состояния «духовной безработицы».

Я не выделяю актеров. Все адекватные в этом спектакле составляют ансамбль солистов. Ни одна, самая эпизодическая, роль не проходит бесследно. Каждый мгновенно устанавливает контакт с залом. Причем эти контакты многообразны, зал не только воспринимает, но и сам втягивается в действие, мы становимся участниками спектакля (достаточно вспомнить только один монолог Сантехника). Художник Д. Боровский, поставленный действием пьесы в условия, когда он должен был проявить максимум выдумки, проявил ее. Задник из черного бархата служит отличным экраном для проекции теней. Этот прием используется здесь умеренно, но чрезвычайно действенно. Тень Сантехника, например, становится в определенных моменты то смешной, то злобешей. В спектакле отсутствует музыка, то, что звучит по радио — не более чем шум, музыка еще не родилась, ей еще не пришло время. Вот почему финал спектакля открыт.

Зрителя, пришедшего на спектакль, прочли на программке слова Шукшина: «...Вот это меня мучает страшно: всегда ли мы успеваем... задумываться о самом главном — о человеке, о душе человеческой? Достаточно ли мы думаем и заботимся о ней? Одним из ответов на этот вопрос стал спектакль наших гостей из Липецка, С. БИРЮКОВ».